В
4160
Бог

А. БОГДАНОВЪ.

Революція и философія.

Цѣна 1 коп.

БИБЛІОТЕКА
Изданіе редакціи журнала „ОБРАЗОВАНІЕ".
2 МАЯ 1919
Н Ч А

А. БОГДАНОВЪ.

Революція и философія.

БИБЛИОТ
Нар. Ком. Вну
№

Цѣна 7 коп.

БИБЛИОТЕКА

Изданіе редакціи журнала „ОБРАЗОВАНІЕ“.

2 экз
2 МАЙ 1919
1в
470

„Цров 38"

Пров. 1959

Пр.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

656
35

Типографія Б. М. Вольфа. Разъѣзжая, 15.

Революція дѣлаетъ свое революціонное, философія—свое философское дѣло.

Въ чемъ сущность того и другого? Какова ихъ связь? И откуда, зачѣмъ самый вопросъ объ этой связи? Казалось-бы, отношеніе ясно: революція—суровымъ борцамъ, философія—кроткимъ мыслителямъ; не къ чему искать общаго, не къ чему затемнять простыя вещи насильственными сближеніями.

Въ дѣйствительности связь существуетъ, серьезная и глубокая. И это не только связь историческаго развитія, въ силу которой тѣ или иные группы и классы ведутъ революціонную борьбу подъ знаменемъ той или иной философіи, а философскія идеи реформируются подъ давленіемъ революціонной борьбы; это не только связь классовой борьбы и классовой идеологіи. Нѣтъ, тутъ существуетъ еще иное отношеніе—связь основного содержанія, основного смысла философской и революціонной работы.

I.

Откуда возникаетъ революція и что она дѣлаетъ?

Революція рождается изъ противорѣчій общественной жизни. Основа и сущность этихъ противорѣчій сводится къ несоотвѣтствію между трудовымъ содержаніемъ общественной жизни и рамками, въ которыхъ оно заключено,—между

развитіемъ „производительныхъ силъ“ общества и его „идеологическими формами“.

Для Великой Россійской революціи противорѣчіе это заключается въ громадномъ ростѣ общественнаго раздѣленія труда и развитіи машиннаго производства съ одной стороны, въ упорной неподвижности полу-феодальнаго государственнаго и юридическаго строя—съ другой.

Развивающееся общественное раздѣленіе труда требуетъ громадной гибкости, громадной подвижности въ трудовыхъ отношеніяхъ людей,—и еще въ большей степени требуетъ того-же машинное производство съ его непрерывно измѣняющейся техникой. Этому развитію со стихійной грубостью и механичностью противодѣйствуютъ окаменѣлыя формы бюрократическаго строя, на каждомъ шагу опутывая жизнь людей своей стѣснительной опекою.

Ростъ крупной промышленности означаетъ необходимость обширнаго и постоянно расширяющагося рынка, т. е. въ такой по преимуществу земледѣльческой странѣ, какъ Россія,—необходимость зажиточнаго, хозяйственнаго крестьянства. Старый, полуфеодальный классъ помѣщиковъ и порожденное имъ господствующее въ государственной жизни чиновничество паразитически истощаютъ крестьянство и весь народъ, въ корнѣ подрывая внутренній рынокъ. Машина нуждается въ сознательномъ работникѣ, способномъ съ полнымъ пониманіемъ управлять ея сложно-комбинированными движеніями. Такой работникъ—живое противорѣчіе въ политической системѣ, построенной на безсознательности обывателей. Но машинное производство, несмотря ни на что, *создаетъ* такого работника; и пролетаріатъ, объединенный фабрикой и городомъ, революціонизированный буржуазной эксплоатаціей и государственнымъ гнетомъ, становится могучей организующей силой, способной придать единство и послѣдовательность борьбѣ общества противъ невыносимыхъ для него противорѣчій.

Такъ возникаютъ элементы революціи: ея движущая

сила—въ видѣ глубокихъ, непрерывно обостряющихся противорѣчій общественнаго бытія людей, и ея организующая сила—въ видѣ направленнаго на эти противорѣчія общественнаго сознанія классовъ. Когда, послѣ долгаго, мучительнаго развитія, тѣ и другіе элементы достигаютъ зрѣлости—тогда разражается революціонная гроза. Ея стихійные удары разрушаютъ все, что стоитъ на пути растущей жизни, что стало для нея оковами и цѣпями, что порождаетъ невыносимыя для нея противорѣчія. Порывистое творчество революціи создаетъ иную, новую оболочку для соціальнаго процесса—новыя формы, органически соотвѣтствующія его новымъ жизненнымъ условіямъ.

Соціальное цѣлое поднимается на слѣдующую, болѣе высокую ступень организаціи. Начинается новый циклъ историческаго движенія. Ускоренный прогрессъ жизни, вначалѣ сравнительно гармоничный, начинаетъ затѣмъ приносить противорѣчія. Опять соціальное тѣло перерастаетъ свою одежду, опять обостряется политическая и идейная борьба классовъ,—опять назрѣваетъ общественный переворотъ... Это продолжается до той великой, послѣдней революціи, которая *измѣняетъ самый типъ соціальнаго развитія*, которая на мѣсто противорѣчиваго развитія въ борьбѣ классовъ ставитъ *гармоническое развитіе въ системѣ всеобщаго сотрудничества*.

Революція—это соціальная критика и соціальное творчество, достигающія одновременно высшей напряженности въ порывѣ экстаза, охватывающаго общество. Ея критическая работа—устраненіе общихъ противорѣчій соціальнаго бытія и сознанія и ея творческая работа—созданіе новыхъ формъ коллективной жизни — имѣютъ одинъ и тотъ-же смыслъ, одну и ту-же цѣль. Это—*гармонизація человѣческаго существованія*. Но не мелкая, повседневная „гармонизація“, устраняющая маленькія частныя противорѣчія жизни, создающая маленькія, частныя приспособленія въ предѣлахъ все однѣхъ и тѣхъ-же общихъ формъ; нѣтъ, это

гармонизація самихъ *общихъ формъ* съ ихъ *общимъ содержаніемъ*.

Такова работа революціи, таково ея коренное различіе съ „эволюціей“ въ рамкахъ обыденной жизни общества.

II.

Откуда возникаетъ философія и что она дѣлаетъ?

Философія рождается изъ познавательныхъ противорѣчій человѣческаго опыта. Сущность всѣхъ этихъ противорѣчій заключается въ несоотвѣтствіи между содержаніемъ опыта людей и его исторически выработанными познавательными формами, между тѣми данными, которыя люди находятъ въ своихъ переживаніяхъ, и тѣми общими представленіями, идеями, догмами, посредствомъ которыхъ они привыкли связывать и объединять эти переживанія.

Такъ, соціальная философія Маркса была вызвана къ жизни громадною массою противорѣчій, въ которыя запуталось современное ему человѣчество въ сферѣ познанія самого себя, своей общественной природы. Основное и всеобщее противорѣчіе, въ которомъ всѣ остальныя резюмировались, какъ его частности и развѣтвленія, было таково: люди привыкли думать, что ихъ соціальной жизнью и судьбою управляетъ *разумъ*, если не высшій разумъ божества, то по крайней мѣрѣ ограниченный, но прогрессирующій разумъ людей; этимъ представленіемъ было насквозь проникнуто соціальное міропониманіе людей; а между тѣмъ вся переживаемая ими дѣйствительность рѣзко и мучительно опровергала его. На каждомъ шагу люди убѣждались, что рядомъ съ прогрессомъ науки и просвѣщенія можетъ совершаться ростъ явной неразумности въ самомъ общественномъ строѣ, что параллельно съ распространеніемъ гуманныхъ идей можетъ идти развитіе безчеловѣчности во взаимныхъ отношеніяхъ людей, что самыя обдуманныя дѣйствія часто приводятъ къ результатамъ, противоположнымъ по-

ставленной цѣли, что самыя справедливыя желанія, требованія, попытки отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ классовъ наталкиваются на какую-то роковую силу, неуловимую и въ то же время неопреодолимую, безличную и въ то же время какъ будто умышленно враждебную. Безчисленныя, жестокія проявленія несовершенства и неразумности соціальнаго устройства возбуждали во всѣхъ жертвахъ этихъ проявленій и во всѣхъ, кто способенъ былъ сочувствовать жертвамъ, жгучую потребность въ цѣлесообразной соціальной дѣятельности, въ планомѣрной работѣ, реформирующей строй общества въ интересахъ разума и справедливости; но старое соціальное міровоззрѣніе было безсильно указать путь для такой работы, — всѣ попытки соціально-реформаторской дѣятельности, стоявшія на его почвѣ, терпѣли неизбѣжное крушеніе, а герои этихъ попытокъ отходили въ область исторіи съ грустно-почтительнымъ прозваніемъ „утопистовъ“. Безсиліе познанія отнимало опору у практики, противорѣчіе идеи съ опытомъ превращалось въ суровое противорѣчіе.

Однако, въ предѣлахъ соціальнаго опыта людей имѣлся также матеріалъ иного рода. Если классамъ угнетеннымъ и всѣмъ, кто былъ на ихъ сторонѣ, ничего не удавалось въ ихъ попыткахъ разумно передѣлать общество, если съ ихъ точки зрѣнія весь ходъ общественной жизни оказывался насквозь неразумнымъ,—то были и другіе классы, которымъ, напротивъ, „все удавалось“ въ ихъ стремленіяхъ устроиться въ обществѣ какъ можно удобнѣе, которымъ шли на пользу даже освободительныя усилія угнетенныхъ и утопистовъ, не приносившія желанныхъ результатовъ самимъ борцамъ; были классы, для которыхъ въ „безуміи“ соціальныхъ отношеній и соціальнаго развитія была не только нѣкоторая „послѣдовательность“, но даже высокая мудрость... Это были тѣ классы, во власти которыхъ находилась матеріальная сила общества. И въ то же время среди угнетенныхъ классовъ выдвигался одинъ, который, объединяясь все тѣснѣе и выступая противъ эксплоататорскихъ классовъ все рѣши-

тельнѣе, не разъ уже вынуждалъ ихъ къ нѣкоторымъ уступкамъ, — достигалъ частичныхъ „разумныхъ и справедливыхъ“ цѣлей. То былъ классъ, который возрасталъ и организовался благодаря самому процессу развитія матеріальной силы общества въ его борьбѣ съ природой, классъ, который былъ и реальнымъ творцомъ этой силы, и ея жертвою, и носителемъ ея развитія,—то былъ промышленный пролетаріатъ. Его не подавляло до безнадежности „неразуміе“ и „несправедливость“ соціальнаго устройства, хотя, быть можетъ, больше всѣхъ другихъ классовъ онъ испытывалъ на себѣ то и другое; онъ чувствовалъ въ себѣ силу бороться за свой собственный „разумъ“ и „справедливость“, и эта сила росла; и идеалы классоваго „разума“ и „справедливости“ становились все яснѣе въ его сознаніи по мѣрѣ того, какъ его численность, его объединеніе, его товарищеская сплоченность, его пониманіе соціальныхъ отношеній развивались въ процессѣ его труда и его борьбы.

Такъ одновременно съ кореннымъ противорѣчіемъ соціальнаго міровоззрѣнія людей и ихъ соціальнаго опыта намѣчались элементы для новаго міровоззрѣнія, устраняющаго это противорѣчіе. Разрѣшеніе задачи и было дано соціальной философіей Маркса. Противорѣчіе исчезло, разъ было установлено, что „самое сознаніе людей опредѣляется ихъ общественнымъ бытіемъ, не бытіе сознаніемъ“. Стихійность, „неразумность“, „несправедливоссть“ соціальнаго процесса нашли свое мѣсто въ познаніи; а вмѣстѣ съ тѣмъ впервые выступила возможность объективно и научно изслѣдовать развитіе „общественнаго „сознанія“—идеологіи. Потребность въ планомѣрной соціально-творческой дѣятельности получила твердую опору въ пониманіи реальной основы общественнаго развитія и его исторически данной общей формы—въ ученіи о развитіи производства и о классовой борьбѣ. Все это дала соціальная философія Маркса и всѣмъ этимъ она выполнила ту „гармонизацію“

Нар. Ком. внутр. Дел

соціальнаго познанія, которая была жизненно необходима для новыхъ классовъ—носителей общественнаго прогресса.

Постоянно совершающееся развитіе науки въ каждомъ отдѣльномъ своемъ проявленіи есть также „гармонизація человѣческаго опыта". Но „философскимъ" можно называть такой только актъ познавательной работы, который создаетъ или преобразуетъ *общія формы познанія*. Это въ полной мѣрѣ относится къ ученію Маркса. Оно преобразовало не только соціальную науку, не только формы познанія соціальной жизни. *Все* познаніе лежитъ въ сферѣ его реформирующаго дѣйствія; *всѣ* познавательныя формы—и самыя общія изъ нихъ прежде всего—получаютъ въ зависимости отъ него новый смыслъ и новое значеніе, не только тѣ, которыя продолжаютъ сохраняться въ относительно неизмѣнномъ видѣ.

Если признано, что познаніе опредѣляется общественнымъ бытіемъ людей, то исчезаетъ все абсолютное въ познаніи. Всѣ его формы изъ отвлеченныхъ схемъ, какими онѣ казались раньше, превращаются въ реальные продукты соціальнаго творчества, въ живую оболочку развивающаго соціальнаго опыта, органически имъ порождаемую. Для каждой познавательной комбинаціи ставится вопросъ объ ея генезисѣ изъ общественнаго бытія, объ ея соціально-трудовой основѣ. *Все сознаніе становится иным*ъ; въ то же время все оно проникается новою объединяющей связью.

III.

Я отнюдь не случайно взялъ именно ученіе Маркса какъ иллюстрацію жизненнаго смысла философіи. Ни одна доктрина, ни одна система изъ тѣхъ, которыя существовали до Маркса, не была „философіей" въ такомъ строгомъ и полномъ значеніи этого слова, какъ историческій матеріализмъ. Ни одна не достигала такого единства точки зрѣнія на познаніе и жизнь, ни одна не открывала такой безпредѣльно

расширяющейся возможности активно гармонизировать познаніе и жизнь. Въ ученіи Маркса философія впервые нашла самое себя, свое мѣсто въ природѣ и въ обществѣ, и надъ ними а не внѣ ихъ.

Старая философія не знала своего собственнаго происхожденія. Стремясь объединить содержаніе опыта въ связное цѣлое, она въ этой работѣ не могла, конечно, избѣгнуть зависимости отъ своей соціальной среды; ея объединяющія формы, смутно или ясно, но неизбѣжно отражали въ себѣ строеніе и организацію *основной* области соціальнаго опыта, *основныя* жизненныя отношенія трудового общества; но философія дѣлала это безсознательно. Не понимая, откуда берутся объединяющія формы и каково ихъ реальное значеніе, она не въ силахъ была дѣйствительно овладѣть ими, подпадала подъ власть своихъ собственныхъ орудій—стихійно сложившихся понятій, становилась игрушкою тѣхъ неуловимыхъ для нея соціальныхъ силъ, которыми ея понятія создавались. Благодаря этому, старая философія всегда страдала существенной неполнотою, всегда заключала противорѣчіе въ самой своей основѣ и была насквозь проникнута своеобразнымъ фетишизмомъ.

Коренная неполнота міровоззрѣнія состояла въ томъ, что философія, оторванная отъ области непосредственной борьбы человѣка съ природою,—отъ той области соціальнаго бытія, гдѣ лежитъ исходная точка всякаго соціальнаго развитія, философія была не въ силахъ понять и „объяснить“ самый фактъ развитія—фактъ наиболѣе важный въ жизни человѣчества. Она либо игнорировала этотъ фактъ,—что было въ сущности отказомъ отъ ея главной задачи,—либо пыталась подвести его подъ привычные для нея логическіе процессы,—что было покушеніемъ съ совершенно негодными средствами.

Основное противорѣчіе заключалось въ томъ, что, имѣя своей задачею идеальное объясненіе *всего* сущаго, философія была всегда построена на *разрывѣ* природы и познанія.

Это выражалось *либо* въ дуализмѣ—явномъ, какъ у Декарта, или замаскированномъ формальнымъ единствомъ, какъ у Спинозы; но тогда не могло быть и рѣчи о дѣйствительномъ философскомъ объединеніи всего сущаго, да и самая возможность познанія природы превращалась, при отсутствіи моста между познаніемъ и природою, въ сплошное чудо; *либо* одна изъ двухъ сторонъ мысленно уничтожалась: познаніе объявлялось комбинаціей атомныхъ движеній и становилось совершенно на себя непохожимъ; или природа признавалась „инобытіемъ" познающаго духа, но и не думала по этому случаю отказываться отъ своей собственной логики. Здѣсь дѣло философовъ-систематиковъ сводилось къ замазыванью противорѣчія при помощи хитрыхъ словесныхъ оборотовъ.

Наконецъ тотъ-же разрывъ объединяющихъ философскихъ формъ съ живой жизнью приводилъ и къ превращенію ихъ въ фетиши познанія: онѣ пріобрѣтали самостоятельное существованіе и абсолютное значеніе. Въ первичныхъ философіяхъ—религіозныхъ—этотъ разрывъ и этотъ фетишизмъ имѣли наивно-конкретный характеръ: объединяющія формы, называемыя богами, имѣли мѣсто жительства не на землѣ, а на небѣ, и были одѣты плотью и кровью ничуть не хуже людей. Въ позднѣйшихъ философіяхъ—отвлеченныхъ—эти формы исхудали до степени абстрактныхъ призраковъ, одѣтыхъ лишь тонкою оболочкою словъ, но гордость ихъ ничуть не уменьшилась отъ этого, онѣ не допускали и мысли о кровномъ родствѣ съ грубой реальностью, ни тѣмъ болѣе о подчиненіи ей. За это онѣ платились полной безжизненностью, что, впрочемъ, уже само по себѣ часто было прогрессомъ: когда умирали старые боги, то они нерѣдко становились вампирами и долго еще пили кровь живыхъ людей; когда-же умирали метафизическія абстракціи, то отъ нихъ оставалась, какъ отъ насѣкомыхъ, лишь сравнительно безвредная пустая скорлупа. Во всякомъ случаѣ и фетишизмъ религіозный, отражавшій власть надъ человѣ-

комъ внѣшней природы, и фетишизмъ метафизическій, отражавшій господство надъ нимъ его общественныхъ отношеній, стали препятствіями для развитія, направленнаго къ устраненію того и другого рабства людей.

Порожденная новыми общественными силами, философія Маркса указала выходъ изъ того положенія, которое было безвыходно для старой философіи—идеологіи старыхъ классовъ. Познаніе, какъ приспособленіе въ соціально-трудовой борьбѣ, познаніе, какъ орудіе, путемъ обработки пережитого опыта обусловливающее успѣшность дальнѣйшей борьбы съ природою, философія, какъ спеціальный организующій центръ познанія—все это нашло свое мѣсто въ живой жизни. Слившись съ нею и сознательно подчинившись ей, какъ органъ своему цѣлому, познаніе и философія впервые оказались въ силахъ дѣйствительно охватить ее всю, дѣйствительно овладѣть ею.

Конечно, идея Маркса не дала всего этого сразу, въ готовомъ видѣ, но она указала задачу и путь ея рѣшенія. По отношенію къ философіи то и другое формулируется въ слѣдующемъ требованіи: опираясь на изслѣдованіе общественнаго развитія, найти законы развитія познавательныхъ формъ и условія ихъ наибольшаго совершенства—наибольшаго соотвѣтствія ихъ жизненной цѣли.

Рѣшеніе задачи требуетъ напряженнаго труда, можетъ быть, не одного еще поколѣнія работниковъ, а въ самомъ этомъ трудѣ требуетъ неуклонной послѣдовательности и рѣшительности, не останавливающейся въ анализѣ ни передъ какими привычками мысли. *Всѣ* формы познанія и мышленія, отъ самыхъ частныхъ до самыхъ общихъ, отъ самыхъ случайныхъ до тѣхъ, которыя кажутся вѣчными и безусловными, надо изслѣдовать, какъ *продукты и орудія* соціально-трудовой борьбы человѣка за его существованіе.

Въ области простѣйшихъ и низшихъ понятій, свойственныхъ уже наиболѣе первобытной человѣческой психикѣ, такая связь труда и познанія обнаруживается легко, высту-

паетъ ясно почти сама собою. Но въ сферѣ различныхъ „чистыхъ категорій“ и всеобъемлющихъ формъ она глубоко маскируется долгимъ процессомъ развитія, отъ котораго налицо имѣется зачастую только конечный результатъ. Поэтому здѣсь фетишизмъ познавательныхъ формъ достигаетъ высшей степени и преодолѣвается всего труднѣе.

Даже очень рѣшительное и прогрессивное философское мышленіе можетъ оказаться склоннымъ безъ анализа, какъ бы съ чувствомъ оскорбленія, отвернуться отъ той, напр., мысли, что всѣ исторически-распространенныя формы дуализма, религіознаго и философскаго,—дуализма духа и тѣла, бога и міра, вещи въ себѣ и явленія,—представляютъ изъ себя простое отраженіе привычнаго соціально-трудового дуализма организаторской и исполнительской работы и его производной формы, господства-подчиненія. Нужно поистинѣ хладнокровіе анатома, чтобы въ величественной концепціи Бога—субстанціи у Спинозы, въ ея всеобъемлющемъ характерѣ и неуловимомъ непосредственномъ содержаніи найти кристаллизованное отраженіе той необходимой и несомнѣнной, стихійно дающей себя чувствовать, связи всѣхъ элементовъ мѣнового общества, соціально-трудовое содержаніе которой остается, однако, невидимымъ и непонятнымъ для членовъ этого общества въ силу закрывающей собою это содержаніе борьбы частныхъ интересовъ и порождаемаго ею фетишизма. Надо отрѣшиться отъ многихъ, паразитирующихъ даже въ сферѣ чистой науки предразсудковъ, чтобы понять, что удовлетвориться въ міровоззрѣніи какой бы то ни было атомистикой или монадологіей, дробящей міръ на безконечное число независимыхъ реальностей, можетъ только сознаніе, воспитанное на индивидуалистическомъ дробленіи жизни соціальнаго цѣлаго, вытекающемъ изъ той-же основной анархіи и противорѣчій мѣнового общества...

Дѣло, разумѣется, не въ этихъ иллюстраціяхъ: онѣ могутъ быть спорными, онѣ могли-бы даже быть невѣрными,—но необходимость неуклоннаго изслѣдованія, идущаго въ

такомъ направленіи, остается неизмѣнной. Надо помнить, что *все познаніе и все отвлеченное мышленіе сложились въ рамкахъ соціально-трудового существованія человѣка.* Досоціальный предокъ человѣка могъ обладать только конкретнымъ сознаніемъ и образнымъ мышленіемъ животнаго. То, что создалось на основѣ общественнаго бытія, въ зависимости отъ него должно быть и понято. Тогда только философія познаетъ себя и будетъ способна идти впередъ не ощупью, а вполнѣ сознательно и планомѣрно.

* * *

Теперь намъ нетрудно уже формулировать основное и существенное соотношеніе между работой революціи и работой философіи.

Въ двухъ различныхъ областяхъ—въ „практикѣ“ и въ „познаніи“—каждая изъ нихъ выполняетъ одну и ту же задачу—гармонизацію развивающагося жизненнаго содержанія съ его общими формами. Неразрывная связь обѣихъ областей въ соціально-трудовомъ процессѣ создаетъ тѣсную взаимную зависимость въ дѣлѣ осуществленія обѣихъ задачъ.

Элементы для своихъ объединяющихъ формъ философія черпаетъ изъ жизни. Потребностъ въ монизмѣ—т. е. въ философіи—тѣмъ глубже и сильнѣе, а энергія и плодотворность труда въ этомъ направленіи тѣмъ выше, чѣмъ интенсивнѣе происходитъ гармонизація въ сферѣ практической жизни. Монистическое или эклектическое, философское или филистерское направленіе умовъ воспитывается практической жизнью. Когда вся общественная жизнь проникнута основной двойственностью—растущаго содержанія и неподвижныхъ формъ, его облекающихъ, тогда въ мышленіи людей обнаруживаются двѣ противоположныхъ тенденціи. Тѣ классы, которымъ выгодно существующее положеніе, которые отстаиваютъ политическую, правовую, моральную

систему, стоящую въ противорѣчіи съ жизнью,—тѣ классы, сживаясь всей душою съ противорѣчіемъ реальнымъ, притупляютъ и утрачиваютъ чувствительность къ противорѣчіямъ „идеальнымъ“; они—грубые эклектики: религія у нихъ сплетается съ наукой, абсолютная нравственность съ пошлѣйшимъ оппортюнизмомъ и мелкимъ эпикурействомъ, у нихъ нѣтъ *логики*, а есть только *интересы*. Наоборотъ, тѣ классы, въ которыхъ растетъ и зрѣетъ революція, въ которыхъ зарождается новая гармонія общественной жизни, которые развиваютъ одну, прогрессивную сторону коренного соціальнаго противорѣчія и стремятся уничтожить другую,—тѣ классы полны монистической логики и философскаго настроенія, они невольно и неизбѣжно требуютъ отъ познанія того-же, чего и отъ жизни—гармоніи, единства. И побѣда революціи, гармонизируя жизнь, создаетъ новые стимулы и новый матеріалъ для гармонизаціи познанія.

Такъ революція, начиная отъ своего невидимаго зарожденія и вплоть до своего окончательнаго торжества и завершенія, выполняетъ *не только великое дѣло жизни, но и великое философское дѣло*.

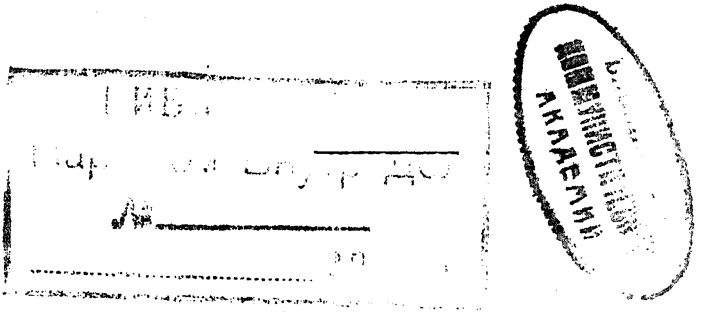
Роль философіи по отношенію къ революціи не такъ опредѣленна, потому что она стоитъ дальше отъ первичнаго творчества жизни. Старая философія бывала иногда инстинктивно-реакціонной, иногда — инстинктивно - революціонной, смотря по своей связи съ тѣми или другими соціальными силами. Часто ея собственный консерватизмъ,—который у нея значительнѣе, чѣмъ у многихъ другихъ, менѣе широкихъ идеологическихъ формъ,—этотъ консерватизмъ, съ измѣненіемъ роли общественнаго класса, создавшаго данную философію, изъ революціонной дѣлалъ ее реакціонной.

Но философія, *познавшая себя*, философія, понявшая свое отношеніе къ жизни, свое происхожденіе изъ жизни и свое реальное значеніе въ ней,—такая философія можетъ быть *только революціонной*. Она сознаетъ, что жизненныя противорѣчія отражаются въ познавательныхъ, и что дѣй-

ствительное гармоническое объединеніе всего соціальнаго опыта людей можетъ и должно явиться лишь *результатомъ* гармоническаго объединенія всей соціально-трудовой жизни людей. *Такая философія, выполняя свое философское дѣло, неизбѣжно выполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло революціонное.*

Ни революція, ни философія не вѣчны. Обѣ онѣ—порожденіе дисгармоническаго соціальнаго развитія. Обѣ онѣ свойственны классовому обществу. Въ такомъ обществѣ формы присвоенія, формы права и государственности, будучи *классовыми* и связанными съ консервативнымъ интересомъ *господства* опредѣленныхъ классовъ, неизбѣжно должны быть гораздо болѣе консервативны, чѣмъ трудовое содержаніе соціальной жизни. Отсюда возникаютъ революціи. А познаніе, непосредственно организующее въ соціальный опытъ въ формѣ науки, при рѣзкой раздробленности этого опыта, не въ силахъ непрерывно создавать въ той-же формѣ объединяющія концепціи, способныя стройно охватывать все его противорѣчиво развивающееся содержаніе. Отсюда возникаетъ философія.

Та революція, которая положитъ конецъ классовому обществу, создаетъ впервые и возможность гармоническаго соціальнаго развитія. Въ новомъ обществѣ вмѣстѣ съ классовымъ господствомъ исчезнетъ классовый консерватизмъ идеологическихъ формъ, а изъ товарищескаго единенія людей въ системѣ организованнаго труда выработается единство и связность соціальнаго опыта. Тогда революція растворится въ непрерывномъ и стройномъ прогрессѣ орг низованной соціальной жизни, а философія—въ непрерывномъ и стройномъ прогрессѣ монизма науку...



Новыя изданія журнала „ОБРАЗОВАНІЕ".

Полицейскій соціализмъ въ Россіи.

(Что такое зубатовщина?)

М. Григорьевскаго.

Цѣна **20** коп.

К. МАРКСЪ.

Теорія прибавочной стоимости

изъ неизданной рукописи.

Переводъ съ изданія **К. Каутскаго**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Г. Плеханова.

Выпускъ I. Цѣна **1** руб. **50** коп.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Типографія **Б. М. Вольфа**, Разъѣзжая ул. д. 15.